

7. Философия любви: В 2 ч. / Под общ. ред. Д.П. Горского; Сост. А.А. Ивин. – М.: Политиздат, 1990. – Ч. 1. – 510 с.; Ч. 2. – 605 с.
8. Гиллиган К. Иным голосом // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1991. – М.: Республика, 1992. – С. 352–373.
9. Брылина И.В. Философия Русского Эроса. – Томск: Изд-во ТПУ, 2007. – 119 с.
10. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Философия свободы. – М.: Правда, 1989. – 284 с.
11. Зигмунд Фрейд. психоанализ и русская мысль / Сост. и авт. вст. ст. В.М. Лейбин. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
12. Кон И.С. Дружба. Этико-психологический очерк. – М.: Политиздат, 1980. – 199 с.; 1987. – 350 с.
13. Брылина И.В., Бердникова И.А. Гендерный подход в образовательном процессе // Известия Томского политехнического университета. – 2008. – Т. 313. – № 6. – С. 127–131.

Поступила 27.04.2010 г.

УДК 001.2;008.001

УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИФОТВОРЧЕСТВА И МИФОДИЗАЙНА

С.С. Калиниченко

Томский политехнический университет
E-mail: kalinichenkosv@gmail.com

Определены современные условия, в которых изучение таких явлений, как мифотворчество и мифодизайн, становится насущной потребностью. Показано наличие сознательного и бессознательного компонентов в сознании человека, их соотношение и свойства. Представлены основные причины повышения роли мифологического мышления. Выявлены основные области усиления мифологической функции сознания, появления мифотворчества и мифодизайна.

Ключевые слова:

Рациональное и мифологическое мышление, социальное бессознательное, мифотворчество, мифодизайн.

Key words:

Rational and mythological thinking, social unconsciousness, myth-making, myth-design.

Мифодизайн представляет собой вид социокультурной технологии по формированию современных мифов, главным условием функционирования которого является наличие мифологического сознания в обществе.

В сознании можно выделить два компонента: рациональный и иррациональный (мифологической). Многие выдающиеся социологи (Г. Зиммель [1, 2], Т. Парсонс [3]) считали, что именно историческое развитие рациональности в сознании и поведении человека является одним из универсальных направлений социальной эволюции. Долгое время предполагалось, что данное развитие протекает по пути отказа от иррационального мифологического мышления и коллективных представлений. Таким образом, согласно данной концепции, архаические, мифологические формы сознания, предшествовавшие логическому, аналитическому, научному мышлению, изживаются, а если и присутствуют в современном обществе, то только в качестве пережитков или предрассудков.

Достижения в области сравнительной психологии и социальной антропологии доказали существование наряду с сознательным компонентом социального бессознательного.

В общем смысле слова бессознательное представляет собой совокупность психологических актов, процессов, обусловленных событиями действительности, во влиянии которых субъект не от-

дает себе отчета. В отличие от сознания бессознательное характеризуется тем, что отражаемая им реальность сливается с переживаниями и мироощущением субъекта. В связи с этим в бессознательном невозможны адекватная оценка, анализ, рефлексия осуществляемых субъектом действий и их результатов. Рациональное же сознание всегда оперирует логикой, анализом, сравнением, проверкой информации, рефлексией. Однако, в силу бесконечности познания, сознание и созданная им картина мира частичны, неполны. Бессознательное дополняет и восполняет эту частичность сознательного обеспечения жизни человека образностью в представлении и восприятии информации, обращением к культурным и докультурным образцам, моделям поведения, чувственным синтезом целого. Таким образом, для создания целостной картины мира необходимы оба эти компонента, они оба обрабатывают информацию, но каждый своим способом.

Для того чтобы определить, каким образом бессознательное связано с мифологическим мышлением, а значит и с феноменами современного мифотворчества и мифодизайна, разберем бессознательное более подробно. Такой не поддающийся осознанию уровень регуляции, как бессознательное, в своей основе имеет два источника. Наряду с индивидуальным бессознательным, изученным, главным образом, З. Фрейдом [4, 5], существует и социальное

измерение данного феномена. Категорию коллективного бессознательного ввел в научный оборот К. Юнг [6], придав ему значение одного из видов сознания. «Это разум наших древних предков, способ, которым они думали и чувствовали, способ, которым они постигали жизнь и мир, богов и человеческие существа» [7. С. 30–35]. К проявлениям коллективного бессознательного следует отнести ту психологическую предрасположенность людей, воспитанных в рамках одной культуры, сходно реагировать в похожих жизненных ситуациях. Эти схематизмы, мифологемы именовались К. Юнгом архетипами и определялись им как «типичные способы «понимания», и где бы мы ни встречали единообразно и регулярно повторяющиеся способы «понимания», мы имеем дело с архетипом независимо от того, распознается ли его мифологический характер или нет» [6. С. 336].

По мнению ученого, эти архетипы были заложены в душе субъекта еще до рождения. Однако данная точка зрения подвергается сомнению. Ряд современных ученых доказывают, что архетипы привносятся сознательно в ходе воспитания, и лишь в дальнейшем, в процессе их повторения, они переходят на уровень бессознательного.

Бессознательное всегда присутствует в социальном пространстве, главным образом, в явлениях социального дистанцирования, при массовом поведении и в случаях социального взаимодействия [8].

1. Самоопределению социальной группы как целого, ее сплочению способствует коллективное бессознательное. По мнению Ч. Кули [9], к такому соединяющему фактору относится общая эмоция, не требующая доказательства, которая находит свое выражение в чувстве «мы». Э. Дюркгейм [10], К. Юнг [6] выдвигают такое понятие, как «коллективное представление», включающее в себя религию, идеологию и другие мировоззренческие системы, на основании которых можно выстроить отношения «свой» — «чужой». В результате действия этих факторов образуются социальные группы разного размера: семья, компания сверстников, профессиональный коллектив, этническое сообщество и т. п.
2. Массовое и социальное поведение. Проявление коллективного бессознательного, когда механизмы бессознательного довлеют над сознанием, можно наблюдать при массовом поведении — митинги, демонстрации, паники, действия подростковых группировок, участников спортивных и других массовых мероприятий и зрелищ. На индивидуальном уровне уход в бессознательное от сознания выражается в употреблении алкогольных и наркотических веществ. К бессознательному относится ритуальное, а также традиционное поведение, которое формировалось под воздействием сознания, но в дальнейшем, при частом повторении, производится автоматически, специально не контролируется, но вместе с тем основывается на разумном мышлении.

3. Социальное взаимодействие и конструирование реальности. К этому уровню бессознательного относятся любые элементы, схематизмы, мифологемы, определяющие мировоззрение людей, относящихся к одной культуре. Согласно концепции символического интеракционизма (Ч. Кули [9]), взаимодействие людей осуществляется посредством обмена символами, знаками, значениями. Как создание этих смыслов, так и их восприятие происходит с помощью элементов бессознательного, так как, чтобы понять смысл, заложенный другим человеком, необходимо включение не только сознательных рассуждений, но и образного мышления, интуиции, т. е. бессознательных способов описания.

Таким образом, во взаимодействии людей, в основе их сознательной деятельности большую роль играют социальное бессознательное, которое не что иное, как мифологическое архаическое мышление, и свойственные ему средства познания и интерпретации действительности. Выдающиеся исследователи мифа (А.Ф. Лосев [11], Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский [12]) утверждают, что миф, несмотря на вытеснения его рациональной культурой, не умирает, а сохраняет свои позиции и продолжает функционировать в современном обществе, что делает важным и актуальным феномен мифодизайна.

Особенности рассматриваемого феномена заключаются в характерных свойствах лежащего в его основе мифологического сознания, главной отличительной чертой которого является то, что обладатель данного сознания не считает его мифологическим, а единственно истинным. Мифологическое мышление является допонятийным и оперирует образами, мыслительные операции над которыми позволяют выявлять отдельные отношения, связи вещей. Основными же элементами такого мышления выступают нерасчлененность и отождествление образа и предмета. Обобщение данного образа происходит посредством абстракций. В рамках мифологического мышления предмет может быть осмыслен по одной части или свойству. Из этого следует, что часть и целое, единое и множественное, случайное и закономерное не различаются, объект выступает в качестве синкретически целого. Данное свойство мифа Л. Леви-Брюль [13. С. 138] назвал *participation mystique* мистической сопричастностью, а К. Юнг [14] определил как бессознательное отождествление вещей, явлений внешнего мира между собой.

А.Ф. Лосев, описывая мифологическое сознание, отмечает: «Миф... ни в коем случае не есть какая-нибудь рефлексия. Он всегда некая явленность, непосредственная и наивная действительность, видимая и осязаемая изваянность жизни» [11. С. 100]. При этом границы мыслительного поля в рамках мифа ограничиваются не объектом познания, а характеристиками субъекта, той системой координат, в которую включен субъект.

Однако невозможно отрицать наличие в мифе некой рациональности. Так как миф не является

исторически первой формой сознания, наиболее ранней формой мышления было мышление действительное. Только с изменением структуры действий, в результате сенсорно-практических и эмпирических обобщений, а главное, с возникновением языка возникает более сложная форма сознания, мифологическая. Мифологическое мышление относится к достаточно развитому мышлению, так как его структура предполагает словесное обоснование и объективную потребность в целостном восприятии мира, природы, своего места в нем. При этом мифологическое мышление отличается от понятийно-логического, рационального отсутствием интеллектуальной децентрации, придающей мышлению характер всеобщности.

Повышение значения роли мифологической составляющей сознания может происходить в современном обществе по разным как субъективным, так и объективным причинам. К субъективным причинам относится, в первую очередь, наибольшая привлекательность для субъекта мифического мира по сравнению с миром рациональности, анализа и критической направленности сознания, где индивиду психологически неуютно. Ослабление воли к совершенствованию рационально-мыслительной деятельности приводит к возрождению мифологического мышления и усилению мифологической функции сознания. Такую ситуацию описывает П.С. Гуревич, предсказывая следующий сценарий действий: «Он [индивид] интуитивно тянется к нерасчлененному мироощущению. Миф освящает человеческое существование, придает ему смысл и надежду. Он помогает одолеть безжалостную, критическую направленность сознания. Вот почему люди так часто отступают от трезвой мысли, отдавая предпочтение миру мечты» [15. С. 44]. Над абсолютной мифологичностью общественного сознания задумывался и К. Юнг [16], который объяснял данное явление спасительной ролью мифа для отчужденного, дифференцированного сознания современного человека.

Естественным и объективным явлением считается наличие и преобладание мифологического мышления, главным образом, у детей. Данная идея исходит первоначально из биогенетической гипотезы или «закона повторения» филогенеза в онтогенезе. То есть развитие отдельной особи является как бы кратким повторением важных этапов эволюции того вида живых существ, к которому относится данная особь. Данный закон был рассмотрен на примере исторического развития познавательной деятельности и мышления в рамках эволюционной эпистемологии. Так сложилась социогенетическая гипотеза, основные положения которой гласят: развитие сознания, мышления ребенка представляет собой переход от мифологической картины мира, от спонтанного и бессознательного, к современной, целесообразной и разумной картине мира аналогично трансформации из архаического состояния общества в современное. Из этого следует, что детская картина мира сходна с мифологической картиной мира. А переход от

детства к взрослому состоянию есть аналог перехода от первобытного состояния к цивилизации.

Сходство детских представлений с мифом сводится даже не столько к схожести содержания (наличие богов, героев, чудовищ, чудесных превращений), сходство обнаруживается даже в форме интерпретации действительности, «строении сознания» (А.Р. Лурия [17]). В мифологическом мышлении все неопределенно, все расплывчато, все отождествляется всему. Детское сознание также характеризуется недифференцированностью. Многочисленные отождествления: субъективного и объективного, частного и общего, желаемого и действительного, образа и вещи – характерны как для первобытного мифа, так и для детского восприятия. И мифологическое и детское восприятия нечувствительны к логическим доводам и противоречиям. Таким образом, детям свойственно преобладание бессознательного (мифологического) компонента в восприятии действительности. Тем не менее, сознание ребенка не сводится к мифологическому сознанию в результате корректирующего воздействия социальной среды и окружения.

По мнению некоторых исследователей современного мифотворчества, мифотворчество – это этап жизни субъекта, через который он проходит не раз (только в детстве), а в каждый момент своего личностного развития. Этому свидетельствуют слова С.В. Григорьева: «В своих многообразных попытках достичь целостного... и обязательно субъективного как присвоенного, индивидуально-типологического, уникально-личностного и т. п. знания о мире и/или о себе человек из раза в раз проходит через миф и мифотворчество как культурно-исторический этап – период – момент своего личностного становления и развития» [18. С. 94]. Именно поэтому миф и мифотворчество, как психологические явления, обладают свойством неизбыточности.

В периоды стабильности на первый план выходят все же рациональные компоненты сознания, а традиционные мифологемы попросту вытесняются. Однако в ситуации кризиса, психологической неустойчивости, когда рациональный, логический концепт становится не адекватным, бесильным в ситуации повышенной эмоциональности, эти же мифологемы начинают играть защитную функцию и становятся опорами, предохраняющими от социопатии и деградации личности.

Большие перемены, происходящие в нашей стране в последние десятилетия, в том числе быстрая смена ориентиров, системы ценностей и норм, проблемы, касающиеся социальной идентичности, – все это привело к актуализации бессознательного не только в жизни отдельного индивида, но и всего общества.

Наряду с этим можно выделить и другие причины, обуславливающие широкое распространение мифов и мифологического сознания в современной культуре.

Во-первых, в связи с развитием общественного познания возникает противоречие между постоян-

но растущими объемами текущей информации и информационных фондов и физическими возможностями индивидуальной памяти освоить их. Это противоречие получило название кризис информации, которое приводит к мифологизации сознания.

К мифологизации сознания приводит и то обстоятельство, что те знания, которые вырабатываются учеными, часто принимаются обыденным сознанием на веру, так как проверить или доказать их человек, не обладающий специальными знаниями, не в состоянии [19]. Такое восприятие на веру необходимо для того, чтобы массовое сознание осваивало знания, добытые учеными, что позволит обществу осуществлять прогресс. Однако это же приводит к мифологизации.

Во-вторых, отсутствие полной информации по тому или иному предмету приводит к появлению так называемых «белых пятен». Для получения целостной картины мира, полного образного представления, так необходимого человеческому сознанию, в ход идут суждения по аналогии с уже известными.

В-третьих, в современном обществе, в ситуации увеличения разнородной информации, отсутствует эталон. Это проявляется в ситуации, когда «на личностном уровне нас осаждают противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами образного ряда, которые выбивают почву из-под ног наших старых идей, и обстреливают нас разорванными и лишёнными смысла «клипами», «мгновенными кадрами» [20. С. 278]. Происходит потеря личностно способности ориентироваться в постоянно меняющемся внешнем мире, что порождает растерянность индивида и судорожный поиск им экзистенциальных координат, в качестве которых и выступают социальные мифы.

Кроме того, быстрому распространению мифов способствуют особенности мышления, характерные для современного общества: не критичность в восприятии действительности; наличие стойких предубеждений к сведениям, распространяемым официальными источниками; низкая информационная культура.

В связи с большим количеством распространенных в мире мифологем, когда миф становится частью культуры, современная культура характеризуется как «неоархаика» [21. С. 169]. При этом мифотворчество и мифодизайн проявляются в различных областях деятельности.

Мифотворчество в научной сфере является довольно естественным. Причин и проявлений мифотворчества в сфере науки несколько.

Прежде всего, говорить о мифологичности науки позволяет то обстоятельство, что наука не существует вне пространства культуры. Данное положение раскрывается следующими словами А.Ф. Лосева: «Но что такое та наука, которая воистину немифологична? Это — совершенно отвлеченная наука как система логических и числовых закономерностей. Это — наука-в-себе, наука сама по себе, чистая

наука. Как такая она никогда не существует. Существующая реально наука всегда, так или иначе, мифологична... но наука сама по себе не имеет никакого отношения к мифологии» [11. С. 210–221].

Кроме того, «рациональная наука может представляться в виде системы мифологий» [22. С. 158–164]. На первом этапе исследования любой проблемы науке необходим переизбыток гипотез, предположений, догадок. Большинство из них отбрасываются, так как не подтверждаются новыми фактами. Однако сами эти гипотезы обладают относительной самостоятельностью. Там, где заканчивается точное знание, в области догадок и сомнений, из научного знания может сформироваться современный миф. Важно и то, что миф и научная гипотеза сходны по механизму образования (недостаток информации, вывод по аналогии). Однако не всякая гипотеза приобретает мифологический характер, мифом такие умозрительные модели могут стать, только соприкоснувшись с массовым сознанием.

Несмотря на то, что квазинаучный, или околонаучный миф, рождается не просто при содействии, а в недрах науки, специально такой миф не создается, создателей выявить невозможно, поэтому можно говорить только о факте мифотворчества, но не мифодизайна, где четко выделяется не только создатель, но и заказчик мифов. При этом наука выполняет двойную роль по отношению к современному мифу: с одной стороны, наука участвует в зарождении и формировании мифа, с другой — направляет все силы на разрушение мифа, пока тот не успел развиться.

В XX в. мифологичными чертами стали окрашиваться художественные аспекты жизни, когда именно литературные произведения находились в центре внимания мифологов. Однако помимо влияния на литературу, мифология оказывала воздействия на другие виды искусства: музыку, живопись, кино и т. д. Необходимо отметить, что искусство, так же как и наука, не только помогает зарождению мифов, но и черпает из них запас образов, которые получают в искусстве новую жизнь, отличную от непосредственных информационных структур.

Кроме того, миф сыграл значительную роль в генезисе различных идеологий, и в этой связи возник даже отдельный феномен мифотворчества, тесным образом связанный с мифодизайном, политический миф. Наиболее рельефно специфику политического мифотворчества показал известный немецкий философ Э. Кассирер: «Новые политические мифы не возникают спонтанно. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими «мастерами» [23. С. 386].

Однако наиболее широко мифодизайн проявляется в массовой культуре. *Во-первых*, из вышесказанного следует, что «массовое сознание по сути своей мифично» [24. С. 163]. *Во-вторых*, средства массовой информации выполняют объединяющую роль, тем самым человек становится не только потребителем, но и соучастником мифотворчества.

В технологии мифодизайна органами власти или средствами массовой информации специально создается информация и подается таким образом, чтобы она с применением функций и свойств мифа (насущность, эмоциональность, использование готовых схематизмов и мифологем) была воспринята обществом как единственно возможная ин-

формация, не вызывающая никаких сомнений. При этом осуществляется сознательное управление социальным бессознательным.

Таким образом, массовая культура действительно стала индустрией по производству мифов, в которой в большей степени проявляет себя такой социокультурный феномен, как мифодизайн.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиммель Г. Избранное. Т. 1: Философия культуры. – М.: Юрист, 1996. – 671 с.
2. Зиммель Г. Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – 607 с.
3. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. – М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1996. – 560 с.
4. Фрейд З. Психология бессознательного: Сборник произведений. – М.: Просвещение, 1990. – 448 с.
5. Фрейд З. Тотем и табу: пер. с нем. / З. Фрейд. – М.: Олимп: АСТ-ЛТД, 1998. – 448 с.
6. Юнг К.Г. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997. – 368 с.
7. Юнг К.Г. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К.Г. Юнг; В. Зелинский; А. Руткевич. – М.: Мартис, 1995. – 309 с.
8. Сикевич З.В., Крокинская О.К., Посель Ю.А. Социальное бессознательное. – СПб.: Питер, 2005. – 267 с.
9. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок: пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 320 с.
10. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. – М.: Канон+, 1998. – 432 с.
11. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 468 с.
12. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Труды по знаковым системам. – 1973. – Вып. 308. – [Сб.] VI. – С. 282–303.
13. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 130–140.
14. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. – Минск: ООО «Харвест», 2003 – 496 с.
15. Гуревич П.С. Мифология наших дней // Свободная мысль. – 1992. – № 11. – С. 43–53.
16. Юнг К.Г. О современных мифах. – М.: Практика, 1994. – 252 с.
17. Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романов. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – С. 193–207.
18. Григорьев С. В. Проблема биографии мифа и психологический анализ логики мифотворческой игры // Мир психологии. – 2003. – № 3 (35). – С. 92–100.
19. Чернышева Т.А. Фантастика и современное натурфилософское мифотворчество // Общественные науки. – 1985. – № 1. – С. 137–149.
20. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – 776 с.
21. Чучин-Русов А.Е. Книга эпохи новой архаики // Общество и книга: от Gutenberga до Интернета. – М.: Традиция, 2001. – 279 с.
22. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – М.: Логос, 2000. – 431 с.
23. Кассирер Э. Политические мифы // Реклама: внушение и манипуляция: медиа-ориентированный подход / под ред. Д.Я. Райгородского. – Самара: Бахрах-М, 2001. – С. 382–394.
24. Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации. – М.: Центр, 1998. – 656 с.

Поступила 25.05.2010 г.